

На правах рукописи

Чжан Жуян

**ФОЛЬКЛОР РУССКИХ ТРЁХРЕЧЬЯ КАК ОСНОВА ЭТНИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
2015–2019 ГГ.)**

Специальность: 10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Благовещенск – 2019

Работа выполнена на кафедре литературы и мировой художественной культуры Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Амурский государственный университет».

Научный руководитель: Забияко Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и мировой художественной культуры Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Амурский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Юша Жанна Монгеевна,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Тихонова Елена Леонардовна,
доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Ведущая организация: Государственное бюджетное учреждение культуры Иркутской области «Региональный центр русского языка, фольклора и этнографии».

Защита диссертации состоится «19» февраля 2020 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 002.209.04 на базе ФГБУН «Институт Мировой литературы имени А.М. Горького» Российской академии наук по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и официальном сайте Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН: <http://imli.ru/index.php/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04-o/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04/3881-folklor-russkikh-trjokhrechya-kak-osnova-etnicheskoj-identichnosti-po-materialam-polevykh-issledovaniya-2015-2019-gg>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.филол.н.

Т.В. Говенько

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Трёхречье (кит. 三河, Sanhe) – территория Северо-Восточного Китая, граничащая с российским Забайкальем по правобережью р. Аргунь и расположенная в бассейне трёх её притоков – рек Ган, Дербул и Хаул. Жизнь русскоговорящего населения Трёхречья является результатом длительной истории формирования русской диаспоры на этих землях. В середине XVII в., когда значительная часть огромной территории современного Северо-Восточного Китая, Забайкалья и Приамурья ещё не имела закрепленного межгосударственными договорами статуса, на правобережье р. Аргунь начали переселяться русские¹. Во второй половине XVIII в. по условиям Нерчинского договора 1689 г. Трёхречье официально отошло к Китаю. В силу удалённости от основной части Цинской империи и малочисленности населения Трёхречье оставалось территорией, на которой временно или постоянно проживали русские. Вплоть до середины XX в. миграции со стороны России на эти китайские территории продолжались. Особенно динамично данные процессы протекали в периоды интенсификации социально-политических процессов на территории России и Китая (конец XIX – начало XX вв. – строительство КВЖД, 20-е гг. XX в. – революция в России, Гражданская война, коллективизация, советско-китайский конфликт 1929 г. и т.д.).

В процессе межкультурных контактов русского и китайского населения, обусловленных рядом обстоятельств политического, демографического и этнопсихологического характера, заключались русско-китайские (-монгольские, -тунгусские) браки, рождались дети. Так постепенно с сугубо русским населением Трёхречья формировалась так называемая «русская нация» Трёхречья, состоящая из метисированного населения. Русское и метисированное население Трёхречья существовали бок о бок, при этом этническое сознание «полукровцев», как они сами себя называют, формировалось на стыке «материнской» (русской) и «отцовской» (в первую очередь, китайской) культуры: русского и китайского языков, русских и китайских религиозных традиций, бытовых привычек. Историко-политические процессы в Китае середины XX в. (образование КНР, реэмиграция в СССР, рассеяние в другие страны, «культурная революция», дальнейшие реформы Китая) привели к тому, что в настоящее время собственно русского населения на территории Трёхречья практически не осталось. При этом часть населения, официально записанная как 中国俄罗斯族 Zhōngguó Èluósī Zú – «русская национальность Китая», официально существует и насчитывает 15393 человека (Шестая всеобщая перепись населения в КНР, 2010 г.). Среди этих людей около 150 человек (в возрасте 75–90 лет) не только говорят по-русски, но и сохраняют память о русских предках, о создании своей русско-китайской семьи. Фольклор русских в Трёхречье (речь идет о поколении 60–80-летних информантов) – действительно живая стихия, «фольклорная реальность». В обыденной жизни русские трёхреченцы общаются, как правило, по-китайски. В праздничные дни или во время встреч их обращение к русскому фольклору – погружение в стихию материнского языка, возможность вспомнить забытые слова и песни, бойко пошутить по-русски². Иногда русский язык становится «этнокультурным аргументом», средством сообщения полукровцев друг с другом.

В то время как на территории России многие фольклорные жанры не актуальны, малопродуктивны, а некоторые вообще забыты, в жизни русских трёхреченцев они продолжают традицию 20–50-х гг. XX в., обретают новое звучание, бытуя в двуязычном варианте (песни), синкретизируясь с китайскими вариантами (сказки, легенды, былички, устные истории, мемораты).

¹ Забияко А.А. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности / А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуан // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 17. С. 109–125.

² Там же.

Актуальность темы исследования определяется, в первую очередь, историческим аспектом фольклористических изысканий, связанных с собиранием фольклора, изучением формирования, бытования, функционирования, трансформации (деформации) жанров и жанровой системы, отражающих этапы формирования русского анклава на территории исследуемого региона. Трансграничные «миграции» фольклорных феноменов в тесной обусловленности историко-социальными и историко-политическими процессами XIX – начала XX вв., явленные в фольклоре русской народности Трёхречья, представляют в данном случае малоисследованный феномен.

В теоретическом отношении данное исследование обращено к проблемам бытования устного народного творчества, актуальности и способам функционирования отдельных фольклорных жанров, их месту в целостной жанровой системе, а также – внутренней структуре жанров, законам их построения, поэтике. В условиях, с одной стороны, консервации фольклорных феноменов в жизни русского анклава на территории китайского Трёхречья, с другой – взаимодействия этих феноменов с инокультурными элементами, в первую очередь, – китайскими, обозначенные проблемы особенно актуальны.

Современные фольклористические исследования тесно интегрированы с историей, социологией, антропологией и этнографией. Несмотря на известную проблему соотнесения этнографических и фольклорных фактов³, данные фольклора сегодня не только изучаются с точки зрения их этиологии, онтологии, поэтики, но и сами становятся историческими, социологическими, этнокультурными и этнопсихологическими источниками⁴. Наши трёхреченские информанты не пишут и не читают по-русски, их дети с трудом понимают русский язык, внуки не говорят по-русски вообще. По причине невладения «полукровцами» письменным русским языком ими не написана их собственная история. Устная история русского населения Трёхречья, представленная в семейных меморатах об исходе предков из России и юга Китая, о возникновении русско-китайских семей, о жизни в русско-китайском окружении и исторических перипетиях XX в., осознаётся ими как возможность не просто зафиксировать личную историю и историю семьи. Для них это – часть истории русской народности в Китае.

Фольклор как специфический пласт русской народной культуры и духовного наследия также становится основой сохранения исторической памяти и этнокультурной самобытности русской народности на территории Трёхречья. Изучение фольклорных текстов русских Трёхречья (песен, частушек, легенд, быличек, меморатов, нарративов) дает возможность полноценной реконструкции сложных процессов этнической идентификации русского анклава в синхроническом и диахроническом аспектах.

Наряду с фольклорными жанрами, хранилищем исторического и культурного опыта, исторической памяти нескольких поколений русских трёхреченцев выступают фотоколлекции⁵. Семейные фотоколлекции в антропологии рассматриваются как «визуальное измерение общего исторического знания, семейного, родового, локального»⁶. В процессе сбора полевого материала рассмотрение семейных фотографий зачастую становится поводом для рассказывания устной истории, рассуждений на тему и т.д.⁷.

---

³ Байбурун А.К. О соотношении фольклорных этнографических фактов / А.К. Байбурун, Г.А. Левинтон // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Венгрия, 1983. Т. 32. Р. 3–31.

⁴ Забияко А.П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности: монография / А.П. Забияко А.А. Забияко. Новосибирск, 2017. 350 с.

⁵ Круткин В.Л. Фотографический опыт и его субъекты // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов, 2007. С. 43–60.

⁶ Лурье В.Ф. «Похоронили хорошо». О похоронных фотографиях в русской культуре / В.Ф. Лурье, О.Р. Николаев // 60 параллель. 2011. № 4(43). С. 70–77.

⁷ Разумова И.А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. 376 с. Круткин В.Л. Снимки домашних альбомов и фотографический дискурс // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М., 2009. С. 109–125.

Значение фотокомпозиций в альбомах, фотогалереях трёхреченцев (неграмотных либо имеющих 2–4 класса китайской школы) можно уподобить значению линейной письменности. В фотографических нарративах отражается социальный и этнический опыт информантов, их историческая и родовая память⁸.

В результате взаимодействия фотографического и словесного текста возникает вербально-визуальный фольклорный дискурс. Запечатленные в фотографиях образы помогают уточнить некоторые неясные аспекты этнокультурной идентичности трёхреченцев – культурных билингвов, неактуализированные в меморатах. Важно понять, что думают сами трёхреченцы первого и второго поколений об этих снимках, какие сюжеты из жизни русско-китайских семей вспоминаются при рассмотрении данных коллекций как текста «семейной хроники», какие нарративы их сопровождают, определить, какую долю в рассказах по фотографиям занимает китайский и какую – русский компонент идентичности метисированного анклава русской народности. Этими обстоятельствами определена актуальность и продуктивность использования приемов визуальной антропологии при изучении фольклорного наследия русских Трёхречья. Устные нарративы по фотоколлекциям позволяют также эксплицировать и реконструировать некоторые обрядово-ритуальные формы культуры трёхреченцев (в частности, похоронные обряды в русско-китайской семье)⁹.

В условиях билингвистической культуры фольклор русской народности в Трёхречье (лирические, эпические жанры) пополняется китайскими элементами, синкретизируется и «гибридизируется», переходя в некоторых случаях целиком на китайско-язычный вариант и тем самым усугубляя свою этнокультурную специфику¹⁰. Исследование так называемых процессов «гибридизации» (В.Л. Кляус) русского и китайского культурных текстов, отраженных в фольклоре, представляется на сегодняшний день чрезвычайно актуальным с точки зрения онтологии бикультурной компетенции и самобытности русских Трёхречья.

Степень научной разработанности проблемы.

К базовым текстологическим, ритуально-мифологическим, жанрологическим трудам по фольклористике относятся исследования В.Я. Проппа¹¹, Е.М. Мелетинского¹², С.Ю. Неклюдова¹³, Ф.М. Селиванова¹⁴, Н.И. Толстого¹⁵, А.А. Панченко¹⁶, С.Г. Лазутина¹⁷ и др.¹⁸.

---

⁸ Чжан Жуян. Китайский и русский текст в фольклоре русских Трёхречья // *Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы междунаро. науч.-практ. конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16-18 июня 2018 г.)*. Владивосток, 2019. С. 332–338.

⁹ Чжан Жуян. «Да, похоронили вместе, по обычаю Советского Союза»: погребальные традиции русских Трёхречья в семейных фотографиях // *Традиционная культура*. 2019. № 4 (в печати).

¹⁰ Кляус В.Л. Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трёхречье / В.Л. Кляус, А.А. Острогская // *Традиционная культура*. 2014. № 4. С. 41–50.

¹¹ Пропп В.Я. *Фольклор и действительность. Избранные статьи*. М., 1976. 327 с.

¹² Мелетинский Е.М. Миф и сказка // *Фольклор и этнография* / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л., 1970. С. 139–148; Мелетинский Е.М. Статус слова и понятие жанра в фольклоре / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик // *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания* / Отв. ред. П.А. Гринцер. М., 1994. С. 39–104.

¹³ Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности / С.Ю. Неклюдов // *Восточная демонология. От народных верований к литературе* / Отв. ред. Н.И. Никулин, А.Р. Садокова. М., 1998. С. 6–43; Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // *АБ-60: сб. статей к 60-летию А.К. Байбурина* / Ред. Н.Б. Вахтин, Г.А. Левинтон и др. СПб., 2007. С. 77–86.

¹⁴ Селиванов Ф. М. *Русский фольклор: учеб. пособие* / Ф. М. Селиванов. М., 1975. 88 с.; Селиванов Ф.М. *Народная лирическая поэзия последнего столетия* // *Частушки* / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М., 1990. С. 5–28.

¹⁵ Толстой Н.И. *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М., 1995. 512 с.

¹⁶ Панченко А.А. Мертвецы: «добрые», «злые» и непонятно какие // *Отечественные записки*. 2013. № 5(56). С. 135–143.

Фиксация народных традиций и обычаев, религиозной культуры русских Трёхречья берет начало еще в эмигрантской публицистике 20–30-х гг. XX в. (в статьях журнала «Рубеж» и других изданиях)¹⁹, работах японских исследователей, основанных на материалах периода Маньчжоу-диго²⁰, продолжается в воспоминаниях трёхреченца А. Кайгородова²¹.

В книге А.Г. Янкова и А.П. Тарасова предпринята первая в российской науке попытка системного описания современного русского населения Трёхречья²², опубликованы результаты этносоциологического исследования, проведённого авторами в 2010 г.²³.

К справедливому замечанию В.Л. Кляуса о том, что «фактически изучение русского фольклора и народных традиций Трёхречья началось только в конце XX в., сначала китайскими, а потом и российскими учеными, которые получили возможность бывать в этом регионе»²⁴, добавим – весьма важной стала и открывшаяся возможность работать ученым в закрытых ранее архивах.

Культура и фольклор русского населения современного Трёхречья наследует забайкальской народной традиции, так как русский анклав на данной территории формировался из переселенцев с территории Забайкалья, в основном – казаков и старообрядцев. История и этнография русского казачьего населения Трёхречья и трёхреченских старообрядцев представлена в публикациях, явивших результат многолетних изысканий Ю.В. Аргудяевой²⁵.

---

¹⁷ Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. Л., 1981. 227 с.

¹⁸ Новик Е.С. К типологии жанров сказочной прозы Сибири и Дальнего Востока // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.М. Гацак. Горно-Алтайск, 1986. С. 36–48; Байбурун А.К. О соотношении фольклорных этнографических фактов / А.К. Байбурун, Г.А. Левинтон // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Венгрия, 1983. Т. 32. Р. 3–31.

¹⁹ Камский Б. Уголок прежней России в маньчжурских степях // Рубеж. 1934. № 30. С. 12–13; Кормазов В.А. Барга: Экономический очерк. Харбин, 1928. 328 с.

²⁰ Игауэ Нахо. Представления о маньчжурских старообрядцах в японских письменных и визуальных материалах (середина XX – начало XXI в.) // Старообрядчество: история и современность, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2007. С. 134–139; Игауэ Нахо. Японские исследования казачьих сёл в Хулун-Буйре (Трёхречье) в Маньчжоу-Го // Материалы XXV российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония). Владивосток, 2010. С. 81–93.

²¹ Кайгородов А.М. Русские в Трёхречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149; Кайгородов А.М. Свадьба в тайге // Советская этнография. 1970. № 3. С. 153–161; Кайгородов А.М. Потерянная земля (Историко-этнографический очерк). Рукопись. М., 1990–1994. 27 с.; Кайгородов А.М. Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 94–103; Кайгородов А. Русские заимки в Трёхречье (по личным наблюдениям) // Советское Приаргунье. 1993. № 56. 20 июля. С. 3; № 58. 28 июля. С. 4; № 59. 30 июля. С. 4; Кайгородов А. На езу // Советское Приаргунье. 1993. № 64. 17 авг. С. 4; № 65. 20 авг. С. 4; Кайгородов А. Грузди. Записки из жизни в Трёхречье // Советское Приаргунье. 1993. № 83. 12 нояб. С. 4; Кайгородов А. Снежный городок // Советское Приаргунье. 1993. № 100. 21 дек. С. 4; № 101. 24 дек. С. 4; Кайгородов А.М. Харбин: взгляд из Трёхречья // Годы, люди, судьбы. История российской эмиграции в Китае: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД (Москва, 19–21 мая 1998 г.). М., 1998. С. 34–37; Кайгородов А.М. Перемёты и удочки. Записки из жизни в Трёхречье (Маньчжурия) // Русская Атлантида. 2009. № 34. С. 75–78; Кайгородов А.М. Школа в Драгоценке // Русская Атлантида. 2011. № 40. С. 24–37.

²² Янков А.Г. Русские Трёхречья: история и идентичность / А.Г. Янков, А.П. Тарасов. Чита, 2012. 72 с.

²³ Тарасов А. П. Русские в приграничном Китае // Восток. 2005. № 4. Июль-авг. С. 65–82; Тарасов А.П. Русская национальная волясть Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. М., 2014. Т. XLIV. Ч. 2. С. 187–208.

²⁴ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015. 416 с.

²⁵ Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток, 2008. 400 с.; Аргудяева Ю.В. Жилище русских казаков в Трёхречье // Традиционная культура. 2014. № 4(56). С. 14–24; Аргудяева Ю.В. Трансляция забайкальскими казаками культурного наследия русских в Северо-Восточный Китай // Культурное наследие Сибири: электронное научное издание. Омск. 2014. № 4. Режим доступа: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=93>; Аргудяева Ю.В. Русские казаки-забайкальцы в Северо-Восточном Китае // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11: Исторический опыт взаимодействия культур. Благовещенск, 2015. С. 152–166; Аргудяева Ю.В. Источники по историко-демографическим процессам у

Одним из первооткрывателей в собирании и изучении фольклора и культурных традиций Трёхречья, а также привлечении внимания широкой научной общественности к этой теме стал профессиональный русист, профессор Лю Куйли (Китайская Академия общественных наук, Пекин, КНР)²⁶.

С 2007 по 2019 гг. ряд научных экспедиций в Трёхречье осуществил российский фольклорист и антрополог В.Л. Кляус (ИМЛИ РАН), собравший уникальный фольклорный материал (песни, припевки, легенды, сказки мифологические рассказы, «устные истории»). В публикациях В.Л. Кляуса²⁷ затрагиваются проблемы жанрологии фольклора русских Трёхречья, продуктивности/непродуктивности отдельных фольклорных жанров Трёхречья²⁸, видеофиксации процесса исполнения фольклорных произведений на русском и китайском языках, гибридизации русского и китайского фольклорных текстов и многие другие вопросы.

Большой вклад в изучение истории формирования на территории Трёхречья (Аргунь-Юци, Внутренней Монголии), а также развития материальной и праздничной культуры русской народности внесли китайские ученые Чэн Даохун, Сюй Чжаньцзян²⁹, Тан Хуэй³⁰, Чжао Дань³¹, Чжан Сяобинь³², Юй Цзяньчжун, Цзян Юн³³, Цин Цзюе³⁴, Ван Даньхун³⁵, Хуан Яньхун³⁶, Ши Чуньли³⁷, Ли На³⁸, Сюй Сяосяо³⁹, Тан Хуэй⁴⁰, Люй Те⁴¹ и

русских Трёхречья // Историческая демография. 2016. № 1(17). С. 62–65; Аргудяева Ю.В. Обряды жизненного цикла у русских старообрядцев в Северо-Восточном Китае // Религиоведение. 2016. № 1. С. 18–30; Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.). Благовещенск, 2016. 480 с.

²⁶ Лю Куйли. Китайско-русские потомки на реке Аргунь // Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (горизонты комплексного изучения). Чита, 1995. С. 13–16; Лю Куйли. «Китайские русские» на правом берегу реки Аргунь // Живая старина. 2001. № 1. С. 33–35.

²⁷ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015. 416 с.

²⁸ Кляус В.Л. Русский фольклор в Трёхречье (КНР) // Сибирские чтения в РГГУ: альманах. М., 2008. Вып. 3. С. 5–21; Кляус В.Л. «Русская» деревня на карте этнотуристического маршрута в Маньчжурии (КНР) // Новый исторический вестник. 2010. № 26(4). С. 60–72; Кляус В.Л. Рождение и смерть русского дома в Приаргунском Трёхречье (КНР) // Традиционная культура. 2011. № 2. С. 32–42; Кляус В.Л. Крестовые горы в культурном пространстве Трёхречья (КНР) // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 102–107; Кляус В.Л. Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трёхречье / В.Л. Кляус, А.А. Острогская // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 41–50; Кляус В.Л. Христианские сектанты в рассказах русско-китайских метисов Трёхречья (КНР) // Традиционная культура. 2014. № 1. С. 88–96; Кляус В.Л. Церкви Трёхречья // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 25–44; Кляус В.Л. Об одном обычае традиционной русской свадьбы Большого Приаргунья // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 9–17; Кляус В.Л. «Ты меня хочешь замуж? Надо мне кого – платье купить!» (об одном семейном предании китайских русских Трёхречья, КНР) // Традиционная культура. 2016. № 3(63). С. 88–99.

²⁹ 程道宏. 呼伦贝尔盟志: 3 音量 / 程道宏, 徐占江. 呼和浩特, 1999. 音量. 1. 845 页.; 音量. 2. 845 页.; 音量. 3. 845 页. [Чэн Даохун. Справочник Хулунбуэрского аймака: в 3 т. / Чэн Даохун, Сюй Чжаньцзян. Хух-Хото, 1999. Т. 1. 845 с.; Т. 2. 845 с.; Т. 3. 845 с.].

³⁰ 唐会. 试论额尔古纳华俄后裔的文化特点及其发展趋势 // 内蒙古工业大学学报. 2001. № 1. 页. 71–76 [Тан Хуэй. О культурных особенностях и тенденциях развития жизни китайско-русских потомков в Аргуни // Научная газета промышленного университета Внутренней Монголии. 2001. № 1. С. 71–76].

³¹ 赵丹. 黑龙江省的俄罗斯民俗文化研究. 哈尔滨, 2001. 40 页. [Чжао Дань. Исследование культуры и традиции русской народности в провинции Хэйлунцзян: дис. ... магистра. Харбин, 2001. 40 с.].

³² 内蒙古俄罗斯族 / 编辑 张晓兵. 呼伦贝尔, 2015. 354 页. [Русская народность в Автономном районе Внутренняя Монголия / Под ред. Чжан Сяобин. Хулунбэр, 2015. 354 с.].

³³ 余建忠, 姜勇. 俄罗斯民族. 云南, 2004. 360 页. [Юй Цзяньчжун, Цзян Юн. Русская национальность. Юньнань, 2004. 360 с.].

³⁴ 青觉. 恩和村调查. 北京, 2011. 359 页. [Цин Цзюе. Исследование деревни Эньхэ. Пекин, 2011. 359 с.].

³⁵ 王丹霓. 华俄后裔节日文化初探-以内蒙古额尔古纳地区为例. 北京, 2008. 55 页. [Ван Даньхун. Первоначальное исследование праздников китайско-русских потомков: дис. ... магистра. Пекин, 2008. 55 с.].

³⁶ 黄炎红. 额尔古纳河畔华俄后裔的村庄 // 华夏人文地理. 2003. № 3. 页. 6–8 [Хуан Яньхун. Деревни китайско-русских потомков на берегу Аргуни // Гуманитарные науки и география Китая. 2003. № 3. С. 6–8].

³⁷ 时春丽. 俄罗斯民族认同研究 – 以室韦俄罗斯民族乡为例. 北京, 2003. 171 页. [Ши Чуньли. Исследование идентичности русской народности. На примере русской деревни Шивэй: дис. ... д-ра наук. Пекин, 2003.

др. В целом доступные нам современные китайские публикации создают позитивный образ русских в Трёхречье. Публикации китайских ученых несколько отличаются в политических оценках и статистических данных от российских, однако являются ценнейшим источником анализа ситуации с китайской точки зрения, позволяют свести воедино полевые материалы, выражающие две стороны маргинальной этничности представителей русской народности и собираемые на русском и китайском языках⁴².

Проблемам этничности и этнокультурной идентификации представителей русской народности Трёхречья посвящен ряд работ европейских и российских ученых⁴³. Среди китайских работ наибольший интерес вызывают исследования ученого Хэйлуунцзянского университета Тан Гэ⁴⁴.

Результатом полевых исследований и обработки собранного материала стали публикации А.А. Забияко, А.П. Забияко, Чжан Жуяна, Я.В. Зиненко⁴⁵. Помимо собственно

---

171 с.]; 时春丽. 俄罗斯族民族认同研究. 北京, 2009. 33 页. [Ши Чунли. Исследование этноидентичности русской национальности. Пекин, 2009. 33 с.].

³⁸ 李娜. 中俄民居中的文化现象. 西安, 2001. 64 页. [Ли На. Культурный феномен в китайско-русских народных селениях: дис. ... магистра. Сиань, 2001. 64 с.].

³⁹ 徐晓晓. 额尔古纳俄罗斯民族音乐生态现状调查与研究. 呼和-浩特, 2015. 51 页. [Сюй Сяосяо. Исследование существующего состояния музыкальной культуры русской народности в Аргуни: дис. ... магистра. Хухэ-Хаотэ, 2015. 51 с.].

⁴⁰ 唐会. 试论额尔古纳华俄后裔的文化特点及其发展趋势 // 内蒙古工业大学学报. 2001. № 1. 页. 71–76 [Тан Хуэй. О культурных особенностях и тенденциях развития жизни китайско-русских потомков в Аргуни // Научная газета промышленного университета Внутренней Монголии. 2001. № 1. С. 71–76].

⁴¹ 吕铁. 俄罗斯人的婚礼习俗 // 安徽文学 (下半月). 2009. 音量. 7. 页. 359 [Люй Те. Русские свадебные обычаи // Литература Анхуэй. 2009. Т. 7. С. 359].

⁴² Забияко А.П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности: монография / А.П. Забияко А.А. Забияко. Новосибирск, 2017. С. 31.

⁴³ Пешков И.О. Граница на замке постсоветской памяти. Мифологизация фронтальных сообществ на примере русских из Трёхречья // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2010. С. 601–616; Пешков И.О. Социальная роль сибирских этно-расовых иерархий русских сообществ Внутренней Монголии на основе воспоминаний русских старожил и репатриантов из Китая // *Debaty artes Liberales*. Т. 6: Пограничные культур – культуры пограничья / Науч. ред. З. Морохоева. Варшава, 2012. С. 211–229; Тарасов А.П. Русская национальная волесть Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // *Общество и государство в Китае*. М., 2014. Т. XLIV. Ч. 2. С. 187–208; Забияко А.П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности: монография / А.П. Забияко А.А. Забияко. Новосибирск, 2017. С. 32–59; Кляус В.Л. Китайско-русские метисы КНР: идентичность во времени и пространстве // *Историческая память и российская идентичность* / Под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 246–289.

⁴⁴ 唐戈. 东北地区东正教活态文化 // *中国宗教*. 2000. № 2. 页. 42–43 [Тан Гэ. Живая православная культура на Северо-востоке Китая // *Китайская религия*. 2000. № 2. С. 42–43]; 唐戈. 额尔古纳河畔华俄后裔的丧葬习俗 // *民俗研究*. 2000. № 1. 页. 126–131 [Тан Гэ. Похоронные обычаи китайско-русских потомков на берегу Аргуни // *Традиционные исследования*. 2000. № 1. С. 126–131]; 唐戈. 中国东北地区俄裔: 族称与族群认同 // *西伯利亚研究*. 2004. № 5. 页. 49–53 [Тан Гэ. Русские потомки в Северо-восточном районе Китая: название народности и идентификация этнической группы // *Исследование Сибири*. 2004. № 5. С. 49–53]; 唐戈. 文化边缘区–边缘人–双语现象 // *哈尔滨学院学报*. 2005. № 2. 页. 5 [Тан Гэ. Маргинальный культурный район – маргинальный человек – билингвизм // *Научная газета Харбинского института*. 2005. № 2. С. 5]; 唐戈. 十字架与敖包, 神树: 人类学比较研究 // *东北史地*. 2006. № 4. 页. 44–47 [Тан Гэ. Крест и Обо, волшебное дерево: сравнительное антропологическое исследование // *Северо-восточная история и география*. 2006. № 4. С. 44–47]; 唐戈. 俄罗斯文化在中国: 人类学与历史研究. 哈尔滨, 2010. 293 页. [Тан Гэ. Русская культура в Китае: исследование по антропологии и истории. Харбин, 2010. 293 с.].

⁴⁵ Забияко А.А. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности / А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян // *Известия Иркутского государственного университета*. 2016. Т. 17. С. 109–125; Забияко А.А. Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде / А.А. Забияко, А.П. Забияко // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. № 2. С. 160–172; Забияко А.А. Семейные мемораты русских Трёхречья как основа реконструкции исторических процессов и этнокультурной идентификации в китайской среде / А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян // *Россия и АТР*. 2016. № 3. С. 185–198; Забияко А.П. История поколений русско-китайских

фольклорных жанров русской народности Трёхречья, учеными были собраны так называемые «маргинальные письменные тексты», созданные на стыке устной и письменной традиции, испытавшие влияние литературных текстов, но фиксирующие практику знания фольклорного песенного творчества на русском и китайском языках⁴⁶.

В монографии А.П. Забияко, А.А. Забияко «Русские Трёхречья: основы этнической самобытности»⁴⁷ сделаны концептуальные обобщения по проблемам этнической самобытности представителей русской народности в Трёхречье, определяемые рядом критериев антропологического, этнопсихологического, этнорелигиозного, этнокультурного характера.

Сквозь призму религиозных практик, праздничной культуры, бытования фольклорных текстов в жизни русской народности Трёхречья А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко обращаются к изучению феномена народного православия, «троеверия» трёхреченцев⁴⁸. В публикациях 2017–2018 гг. А.А. Забияко и А.П. Забияко обращаются к проблеме этнической идентификации представителей русской народности с точки зрения гендерного аспекта бытования актуальных/неактуальных фольклорных жанров⁴⁹.

Концептуально значимыми для исследования русских анклавов в Китае представляются работы В.Л. Кляуса, в которых проблемы этничности «китайских русских» изучены с учетом региональной специфики их компактного расселения в диахроническом аспекте – исследователь оперирует материалами, собранными не только в Трёхречье, но и в г. Хайларе, Синьцзян-Уйгурском автономном районе, а также в округе Хэйхэ (пр. Хэйлунцзян)⁵⁰.

В работах В.Л. Кляуса, А.А. Острогской⁵¹ исследуются проблемы маргинализации (гибридизации) фольклорных текстов и этнокультурных традиций в ситуации русско-китайского двуязычия. В частности, авторами была разработана методика текстовой фиксации фольклорных материалов, собранных на русском и китайском языках, представляющаяся наиболее продуктивной при работе с билингвальными фольклорными текстами⁵².

В процессе коллективных и индивидуальных экспедиций в Трёхречье Чжан Жуяном собран большой фольклорный материал на китайском языке. Переведены издания китайских ученых, посвященные истории, культуре, традициям и обычаям русской народности Трёхречья. В публикациях автора диссертации затронуты проблемы изучения фольклора русского анклава Трёхречья с точки зрения бикультурной компетенции носителей фольклора. Произведен лексико-семантический и лингвокультурологический анализ билингвальных фольклорных текстов представителей русской народности⁵³.

семей в меморатах Трёхречья / А.П. Забияко, А.А. Забияко // Уральский исторический вестник. 2017. № 1(54). С. 65–74.

⁴⁶ Забияко А.А. Маргинальные письменные тексты русской народности в китайском Трёхречье: частные истории формирования маргинальной этничности / А.А. Забияко, А.П. Забияко // CUADERNOS DE RUSISTICA ESPANOLA (CRE). Ученые записки испанской русистики. 2017. № 13. С. 229–242.

⁴⁷ Забияко А.П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности / А.П. Забияко, А.А. Забияко. Новосибирск, 2017. 350 с.

⁴⁸ Забияко А.А. Народное православие русских Трёхречья / А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко // Религиоведение. 2016. № 3. С. 121–136; Забияко А.П. Магия, демонология и видения в религиозной культуре русских Трёхречья / А.П. Забияко, А.А. Забияко // Религиоведение. 2016. № 4. С. 96–110.

⁴⁹ Забияко А.А. Круглый стол «Проблемы изучения, распространения, популяризации русского языка, русской литературы, культуры, истории, образования и науки в Китае» (Пекин, КНР) // Традиционная культура. 2018. № 4. С. 164–170.

⁵⁰ Кляус В.Л. Китайско-русские метисы КНР: идентичность во времени и пространстве // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 246–289.

⁵¹ Кляус В.Л. «Ты меня хочешь замуж? Надо мне кого – платье купить!» (об одном семейном предании китайских русских Трёхречья, КНР) / В.Л. Кляус // Традиционная культура. 2016. № 3(63). С. 88–99.

⁵² Кляус В.Л. Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трёхречье / В.Л. Кляус, А.А. Острогская // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 41–50.

⁵³ Чжан Жуян. Фольклорные жанры русских Трёхречья. Характеристика и особенности бытования // Молодежь XXI века: шаг в будущее: в 3 т. Благовещенск, 2018. Т. 1. С. 122–123; Чжан Жуян. Китайский и

Чжан Жуян собрал у трёхреченских информантов мемораты по фотоколлекциям на китайском языке. Мемораты как жанр и основа сохранения исторической и родовой памяти изучены в работах С.Ю. Неклюдова⁵⁴, И.А. Разумовой⁵⁵, А.П. Липатовой⁵⁶, И.А. Голованова⁵⁷ и др. Фотоколлекции как объект визуальной антропологии исследованы в публикациях В.Л. Круткина⁵⁸, О.Ю. Бойцовой⁵⁹, В.Ф. Лурье, О.Р. Николаева⁶⁰, В.П. Чистяковой⁶¹ и др.

Проблемы интеграции визуальной антропологии и фольклористики, нарративизации семейных фотографий рассмотрены в работах В.Л. Круткина⁶², Т. Власовой⁶³ и др. Ритуальные формы в традиционной культуре изучены Ф. Арьесом⁶⁴, А.К. Байбуриным⁶⁵. Погребальная обрядность в китайской культуре исследована в публикациях Го Можо⁶⁶, Гэ Юйхуна⁶⁷, Дэ Цзыцы⁶⁸, Ли Хэйвэя⁶⁹, Фан Инцзяо⁷⁰ и др.⁷¹.

русский текст в фольклоре русских Трёхречья // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Владивосток, 2019. С. 332–338; Забияко А.А., Чжан Жуян. Русско-китайский фольклорный текст Трёхречья как форма выражения маргинальной этничности русской народности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. № 3. С. 206–215.

⁵⁴ Неклюдов С.Ю. Стереотипы действительности и повествовательные клише // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы докладов. М., 1995. С. 77–80; Неклюдов С.Ю. Исторический нарратив: между «реальной действительностью» и фольклорно-мифологической схемой // Мифология и повседневность. СПб., 1998. С. 288–292.

⁵⁵ Разумова И.А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. 376 с.

⁵⁶ Липатова А.П. Формы текста рассказов о снах: «свидетельские показания» и мемораты // Труды «Русской антропологической школы». 2008. № 5. С. 112–125.

⁵⁷ Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2(293). С. 89–92.

⁵⁸ Круткин В.Л. Фотографический опыт и его субъекты // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов, 2007. С. 43–60; Круткин В.Л. Снимки домашних альбомов и фотографический дискурс // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М., 2009. С. 109–125.

⁵⁹ Бойцова О.Ю. Любительская фотография в городской культуре России конца XX в. (визуально-антропологический анализ): Дис... канд. истор. наук. СПб., 2010. 249 с.; Бойцова О.Ю. «Не смотри на них, они плохие»: фотографии похорон в русской культуре // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 327–352.

⁶⁰ Лурье В.Ф. «Похоронили хорошо». О похоронных фотографиях в русской культуре / В.Ф. Лурье, О.Р. Николаев // 60 параллель. 2011. № 4(43). С. 70–77.

⁶¹ Чистякова В.П. Семейная фотография второй половины XIX – начала XX века в России: опыт этнологического и источниковедческого анализа: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2012. 27 с.

⁶² Круткин В.Л. Снимки домашних альбомов и фотографический дискурс // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М., 2009. С. 109–125.

⁶³ Власова Т. Рассматривание, рассказывание, припоминание: нарративизация содержания семейных альбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов, 2007. С. 123–146.

⁶⁴ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. 528 с.

⁶⁵ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. 240 с.

⁶⁶ 郭沫若. 中国史稿. 北京, 1976. 音量. 4. 423 页. [Го Можо. Китайские исторические наброски. Пекин, 1976. Т. 4. 423 с.].

⁶⁷ 葛玉红. 清末民初丧葬习俗的演变论述 // 学术交流. 2004. 页. 144–147 [Гэ Юйхун. Эволюция и развитие похоронной традиции и обычая в конце династии Цин и начале Китайской республики // Научный обмен. 2004. С. 144–147].

⁶⁸ 邓子琴. 中国风俗史. 成都, 1988. 344 页. [Дэ Цзыцы. История китайского обычая. Чэнду, 1988. 344 с.].

⁶⁹ 李慧伟. 中国传统礼俗文化及其在近代的变迁 // 贵州文史丛刊. 2009. 音量. 2. 页. 69–70 [Ли Хэйвэй. Современные изменения в китайской традиционной культуре // Гуйчжоуская история и культура. 2009. Т. 2. С. 69–70].

⁷⁰ 方迎姣. 农村丧葬礼仪中的低俗化现象研究 – 基于河北省村调查. 河北, 2016. 56 页. [Фан Инцзяо. Исследование вульгаризации в сельском погребальном обряде – основа изучения в провинции Хэйбэй. Хэйбэй, 2016. 56 с.].

⁷¹ 赵远帆. 死亡的艺术表现. 北京, 1994. 202 页. [Чжао Юаньфан. Художественное изображение смерти. Пекин, 1994. 202 с.]; 严昌洪. 民国时期丧葬礼俗的变革与演变 // 近代史研究. 2008. № 5. 页. 171–196 [Янь Чанхун. Изменение и эволюция похоронных традиций и обычаев в Китайской Республике (1912–1949 гг.) // Исследование современной истории. 2008. № 5. С. 171–196].

Репрезентация похоронной традиции китайцев запечатлена в исследованиях Е.П. Лозады⁷². Погребальная обрядность русских Трёхречья представлена в исследовании Тан Гэ⁷³.

Источниковая база исследования. Исследование основано на устных и письменных источниках, представляющих фольклор русских Трёхречья в различных жанровых формах, а также на материалах по традиционной культуре русского анклава в Китае.

Устные источники включают полевые материалы (аудио-, видео-, фото-), собранные в ходе работы пяти международных экспедиций (2015–2019 гг.) (июнь 2015 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян, Ван Цзяньлинь; сентябрь 2015 г., участники: А. П. Забияко, А.А. Забияко, Чжан Жуян; май 2016 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян; август 2018 г., участники: Чжан Жуян; июнь 2019 г., участники: А.А. Забияко, А.П. Забияко, Чжан Жуян). Благодаря экспедициям удалось собрать уникальный и внушительный по размерам комплекс разнообразных материалов по современному фольклору русских Трёхречья (песни, припевки, сказки, легенды, предания, былички, бывальщины, мемораты), повседневной религиозности, обрядовым практикам, устной истории. Чжан Жуян собрал и обработал фольклорные тексты (припевки, песни, устные истории, сказки, мемораты по фотоколлекциям) на китайском языке.

Корпус письменных источников включает:

- материалы по культуре и фольклорным традициям русских Трёхречья, собранные и опубликованные российскими и китайскими учеными (перевод Чжан Жуяна);
- опубликованные в работах российских ученых фольклорные тексты, собранные на территории России и в Трёхречье;
- маргинальные письменные тексты, составленные трёхреченцами, владеющими грамотой, фиксирующие фольклорные тексты;
- материалы, содержащиеся в ежегоднике «Общества изучения русской национальности Внутренней Монголии» (на китайском языке, перевод Чжан Жуяна).

Объектом диссертационного исследования выступает фольклор русской народности Трёхречья, собранный в результате полевых исследований 2015–2019 гг.

Предметом исследования являются этнические константы и этнокультурные стереотипы, воспроизводимые в актуальных на сегодня фольклорных жанрах русских Трёхречья и определяющие этническую самобытность культуры анклава.

Цель диссертационного исследования: исследовать фольклор русской народности Трёхречья сквозь призму содержащихся в нём этнокультурных констант, определяющих этническую самобытность анклава.

Задачи диссертационного исследования:

1. Систематизировать собранный в экспедициях полевой материал по фольклору русских Трёхречья, осуществить источниковедческую и текстологическую обработку собранных фото, аудио- и видеоматериалов (на русском и китайском языках), связанных с фольклором русских Трёхречья.
2. Изучить и сопоставить труды российских и китайских ученых, исследующих культуру, традиции и обычаи, фольклор русской народности Трёхречья, а также проблемы этничности и этнической идентификации русского анклава в данном регионе.
3. В материалах полевых исследований 2015–2019 гг. выявить наиболее актуальные на сегодняшний день жанры фольклора русской народности Трёхречья.

---

⁷² Lozada E.P., Framing Jr. Globalization: Wedding Pictures, Funeral Photography, and Family Snapshots in Rural China // Visual Anthropology. 2006. Vol. 19. P. 87–103.

⁷³ 唐戈. 额尔古纳河畔华俄后裔的丧葬习俗 // 民俗研究. 2000. № 1. 页. 126–131 [Тан Гэ. Похоронные обычаи китайско-русских потомков на берегу Аргуни // Традиционные исследования. 2000. № 1. С. 126–131]; 唐戈. 俄罗斯文化在中国: 人类学与历史研究. 哈尔滨, 2010. 293 页. [Тан Гэ. Русская культура в Китае: исследование по антропологии и истории. Харбин, 2010. 293 с.].

4. Исследовать данные фольклора с точки зрения сохранения в них исторической памяти и способов выражения этнической идентичности русского населения Трёхречья.

5. Изучить фотоколлекции представителей русской народности и мемораты к ним как единый визуально-вербальный текст, сохраняющий историческую и этнокультурную память рода.

6. Изучить жанровые формы фольклора русских Трёхречья с точки зрения их бытования в условиях русско-китайского двуязычия и «гибридизации» некоторых текстов.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что оно основано на уникальных полевых материалах, вводит в научный оборот значительный корпус фольклорных текстов (в том числе аудио-визуальных), репрезентативных для исследования проблемы этнической идентификации русской народности Китая, проживающей в Трёхречье. Его **научная новизна** состоит:

1) Во введении в научный оборот полевых материалов, собранных в результате 5 научных экспедиций в район Трёхречья (КНР) в 2015, 2016, 2018, 2019 гг.

2) В фиксации, расшифровке, публикации полевых материалов, собранных среди трёхреченских билингов параллельно на русском и китайском языках.

3) Переводе с китайского языка на русский и введении в научный оборот публикаций китайских ученых, исследующих историю, быт, культурные традиции и религиозные обычаи русской народности в Трёхречье и связанные с ними этнокультурные процессы.

4) В сравнительном анализе российских и китайских научных исследований, касающихся изучения культуры, традиций и обычаев, фольклора русской народности Трёхречья, а также проблем этничности и этнической идентификации русского анклава в данном регионе.

5) В изучении вербально-визуальных текстов фотоколлекций русских Трёхречья как источника исторической и этнокультурной памяти.

6) В экспликации сюжетов переходной обрядности русских Трёхречья из устных нарративов к семейным фотографиям.

7) В комплексном исследовании «гибридных» форм трёхреченского фольклора (русского и китайского текстов) как выражения бикультурной компетентности и самобытности русской народности Трёхречья.

Научно-практическая значимость исследования заключается в том, что в научный оборот вводятся материалы полевого исследования, содержащие интервью с представителями русской народности Трёхречья на русском и китайском языках, корпус фольклорных текстов (песни, частушки, прибаутки, легенды, сказки, мемораты), собранных в Трёхречье на протяжении 2015–2019 гг. и актуальных на сегодняшний день, а также материалы исследований по Трёхречью китайских авторов, переведенные на русский язык.

Материалы диссертации прошли апробацию при чтении лекционных курсов по дисциплинам «Устное народное творчество», «Категории русской культуры», «Культура и литература народов Дальнего Востока», «Лингвострановедение». В дальнейшем эти материалы могут быть успешно применены в разработке учебных курсов по антропологии, этнографии, в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам изучения фольклора, визуальной антропологии, российско-китайских культурных связей, а также в дальнейшем исследовании культурного наследия русских анклавов за границей, в частности, в Китае.

Помимо научного и образовательного векторов применения результатов диссертации, ее материалы могут быть использованы в реальной практике внутривосточной и международной аналитики, народной дипломатии, выступать руководством для урегулирования возможных межэтнических конфликтов, развития

межэтнических контактов русских и китайцев, продвижения и популяризации русского языка и русской культуры в Китае⁷⁴.

Методология исследования. Автор опирается на культурно-исторический, сравнительно-исторический, типологический, структурно-семантический методы исследования, методы лексико-семантического анализа, включенного наблюдения, интервью с фиксацией «свободного потока речи» информанта, беседы, нарративного анализа, а также переводоведческий метод сопоставительного анализа переводов с оригиналом.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в докладах на международных, межрегиональных, национальных научно-практических конференциях и семинарах: Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» (Амурский государственный университет, Благовещенск, 2016, 2018 гг.); Международный научно-практический семинар «Этнические контакты на Дальнем Востоке: история и современность» (Амурский государственный университет, Благовещенск, 2017 г.); II международная научная конференция «Пространство культуры китайской цивилизации: традиции и новации в современной синологии» (Амурский государственный университет, Благовещенск, 2016 г.); Международный молодежный научно-практический семинар «Дальневосточный фронт: язык, культура, литература» (Амурский государственный университет, Благовещенск, 2016, 2017, 2018, 2019 гг.); Международная конференция «Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы» (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, 15–16 ноября 2018 г.); Научный семинар отдела фольклора «Русская культура в Китае в исследованиях Амурского государственного университета (Благовещенск)» (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, 13 ноября 2018 г.).

По теме исследования опубликовано 8 работ, в том числе 4 статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки РФ для опубликования результатов диссертационного исследования. Общий объем опубликованных работ составляет 3,79 п.л. В статьях, написанных в соавторстве, отражен результат полевых исследований научного коллектива, в составе которого диссертант выполнял работу. При этом уникальный авторский вклад состоит в сборе, обработке, анализе фольклорного материала на китайском языке, переводе на русский язык научных исследований китайских ученых и сравнительном анализе данных работ с результатами российских и европейских авторов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Полевые исследования 2015–2019 гг. позволяют сделать вывод о том, что в исторических обстоятельствах формирования и воспроизводства русской народности Трёхречья русский фольклор выполнял и выполняет задачи фиксации, сохранения и трансляции исторической памяти, выражения этнокультурных констант и стереотипов (представлений о *своём* и *чужом*, *добре* и *зле*, *праведном* и *неправедном*), свойственных русской культуре.

2. Приобщённость к русской устно-поэтической, музыкально-песенной культуре наряду с укоренёнными в жизни анклава традициями народного православия в настоящее время является важным этноидентифицирующим признаком русской народности Трёхречья.

3. Актуальный песенный и частушечный репертуар представителей русской народности Трёхречья («старые» и «новые» песни, припевки) в сюжетно-мотивном комплексе отражает историю формирования и развития анклава на протяжении более ста лет: освоение края предками трёхреченцев, военные события первой половины XX в. в России и Китае, победа Красной армии над Японией, дружба КНР и СССР, реформы

---

⁷⁴ Забияко А.А. Круглый стол «Проблемы изучения, распространения, популяризации русского языка, русской литературы, культуры, истории, образования и науки в Китае» (Пекин, КНР) // Традиционная культура. 2018. № 4. С. 164–170.

после «культурной революции», этнокультурные реалии русско-китайской жизни. Знание содержания песен, припевок и их исполнение имеет в среде метисированного населения Трёхречья коммуникативное, мнемоническое и этноидентифицирующее значение.

4. Зафиксированные из уст русских жителей Трёхречья первого и второго поколения жанры народной сказочной и несказочной прозы имеют прототипы в русском (забайкальском) фольклоре. Жанры народной прозы в сознании русских трёхреченцев неотделимы от русской «материнской» культуры. Наиболее распространенными являются легенды о встрече со святыми, былички, бывальщины о встрече с нечистой силой. Данные жанры связаны с традициями народного православия трёхреченцев, отражают их «троеверие», представления о «праведном» и «неправедном».

5. Семейные мемораты русского метисированного населения Трёхречья в своем актуальном сюжетно-мотивном комплексе (история рода, японская оккупация, «культурная революция», православные обряды и праздники) выражают не только семейно-групповое, но этнокультурное и этнорелигиозное самосознание анклава. «Судьба рода» в них обретает смысловое наполнение судьбы этнокультурного сообщества – сообщества русско-китайских полукровцев, «русской национальности Китая», особенной «русской нации» Трёхречья.

6. Мемораты и семейные фотоархивы в этнолокальной группе русских Трёхречья сохранили тесную связь с русской традицией нарративизации и экспонирования семейных фотоколлекций. Вместе с устными повествованиями фотоколлекции создают единый вербально-визуальный текст, обладающий *этноинтегрирующей* и *этнодифференцирующей* функцией, сохраняющий историческую и культурную память отдельной семьи и этнической группы русских Трёхречья.

7. Фольклор «русской народности» Трёхречья сформировался на стыке «материнского» и «отцовского» начал. Вступая в живое сообщение с местными реалиями, китайской культурной традицией отцов, китайским языком, русский фольклор Трёхречья обогатился и получил новый импульс к развитию. Образы китайского быта и китайского фольклора перетекли отчасти в русские сюжеты; образы русского фольклора получили своё развитие в китайскоязычных вариантах.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и трёх приложений. Общий объем работы – 273 страницы машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение. Во введении обосновывается выбор темы исследования, описывается история изучения фольклора китайцев и русской национальности Китая российскими и китайскими исследователями, определяются актуальность и научная новизна выбранной темы исследования, выделяются объект и предмет исследования, теоретическая и практическая значимость; описываются структура и содержание работы.

Полевые исследования 2015–2019 гг. позволяют сделать вывод о том, что в исторических обстоятельствах формирования и воспроизводства русской народности Трёхречья задачи фиксации, сохранения и трансляции исторической памяти, выражения этнокультурных констант и стереотипов (представлений о своём и чужом, добре и зле, праведном и неправедном), свойственных русской культуре, выполнял и выполняет русский фольклор. Об этом идёт речь в первой главе **«Культурно-исторические, этносоциальные и этнокультурные условия складывания системы фольклорных жанров русских Трёхречья».**

В первом параграфе первой главы **«Исторические, социокультурные, социально-политические условия формирования русского анклава на территории Трёхречья (по материалам русских и китайских исследований)»** на основе архивных источников

(материалов эмигрантской периодики)⁷⁵, воспоминаний бывших трёхреченцев, современных работ российских⁷⁶ и китайских ученых⁷⁷, полевых наблюдений автор анализирует основные этапы складывания русской народности, определившие формирование современной системы фольклорных жанров в Трёхречье.

Несмотря на разницу в идеологических акцентах, и российские, и китайские ученые в целом аналогично оценивают результаты миграционных процессов на данные территории с российской и китайской стороны. Несмотря на то, что история освоения этих земель русскими начинается еще в XVII в., исторический процесс формирования русского анклава на территории Трёхречья в своей активной фазе охватывает период с конца XIX по 30-е гг. XX вв. Социокультурные параметры данного процесса со стороны России (Забайкалья) в XIX–XX вв. определяются участием в миграционных процессах, в основном, казачьего населения, а также ссыльных и беглых каторжан, охотников и золотодобытчиков, со стороны Китая (Шаньдун, Шаньси, Хэбэй) – крестьян и сезонных рабочих. Социально-политические условия формирования русского анклава и его культурного наследия на территории Трёхречья в его современном состоянии детерминированы кризисными вехами в истории развития России и Китая (революции, Гражданская война в России, антияпонская война в Китае, ухудшение отношений между СССР и Китаем, «культурная революция», реформы Дэн Сяо Пина). На протяжении более 50 лет прошлого века политический террор, демографические тиски, экономические тяготы, культурные и образовательные ограничения деструктивно воздействовали на русскую диаспору Трёхречья⁷⁸.

В настоящее время в Трёхречье практически не осталось русских по крови; поколение, рожденное в первых русско-китайских браках, неграмотно, русским языком владеет на бытовом уровне. Это люди в возрасте преимущественно старше 50-ти лет. Их образ жизни связан с деревенским укладом жизни и крестьянским трудом, в последние 20 лет сочетающимися у некоторых с мелкой торговлей и обслуживанием туризма. Их потомки (дети и внуки) – русско-китайские, русско-монгольские, русско-тунгусские метисы 3, 4, 5 поколений – по-русски уже не говорят, многие записаны как китайцы. Русских школ здесь нет уже более 50-ти лет.

Этническая идентичность данной русской диаспоры претерпевает сегодня серьезные трансформации. Проблема этничности представителей русской народности и их этнической идентификации имеет первостепенное значение для сохранения самой народности и изучения ее культурного наследия (в частности, фольклора) в китайском окружении. Об этом речь идет во втором параграфе первой главы **«Проблема этнической идентификации и самоидентификации русского анклава Трёхречья на современном этапе (по материалам русских и китайских исследований)»**. Автор анализирует ряд синонимичных, но не дублирующих друг друга по содержанию именовании русских Трёхречья в российских и китайских исследованиях: китайские русские, китайско-русские метисы, русская национальность Китая (中国俄罗斯族, Zhōngguó Èluósī Zú); русская

---

⁷⁵ Баранов А.М. Историческое прошлое Маньчжурии // Известия Общества изучения маньчжурского края. Харбин. 1928, дек. № 7. С. 13; Шестаков М. Благодатное Трёхречье // Вестник казачьей выставки в Харбине: сб. статей о казаках и казачестве. Харбин, 1943. С. 192; Трёхречье. Экономический очерк // ГАРФ. Ф. Р5871. Д. 127. 69 л.

⁷⁶ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. С. 8; Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.). С. 5–7.

⁷⁷ 闫广庆, 董宪瑞. 额尔古纳俄罗斯族. 内蒙古, 2013. 页. 34 [Янь Гуанцин, Дун Сяньжуй. Русская национальность в Аргуни. Внутренняя Монголия, 2013. С. 34]; 内蒙古俄罗斯族 / 编辑 张晓兵. 页. 16, 21, 30 [Русская народность в Автономном районе Внутренняя Монголия / Под ред. Чжан Сяобин. С. 16, 21, 30].

⁷⁸ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. С. 19–60; Забияко А.А., Забияко А.П. Фольклор как основа сохранения русской идентичности в китайской среде (по материалам Трёхречья) // Emigrantologia Słowian. 2015. Vol. 1. S. 13–25. URL: <http://emigrantologia.uni.opole.pl/wp-content/uploads/2016/06/05.-Zabijako-Emigrantologia-S%C5%82owian-1-2015.pdf>.

национальность Внутренней Монголии (内蒙古俄罗斯族, Neimenggu Eluosi Zu), русская народность Китая, потомки китайских и русских (华俄后裔, Hua E Houyi). В среде самих представителей анклава бытуют самоназвания «полукровцы» (混血人, Hun Xue Ren), (русско-китайские) «метисы» (митисцы, митицы) (混血儿, Hun Xueer), «местные русские» (当地人, Dang Di Ren), «русская нация» (Василий Зоркальцев, Шура Чешнов). Все эти названия и самоназвания с разной степенью убедительности эксплицируют признаки этничности представителей русского анклава Трёхречья, актуальные для китайских, русских исследователей и самих трёхреченцев.

По мнению автора, важными этноидентифицирующими признаками русских Трёхречья в настоящее время являются владение знаниями и умениями, традиционно свойственными русской бытовой, праздничной, религиозной культуре, и соблюдение обычаев и обрядов, в т.ч. православных, приобщённость к устно-поэтической, вероисповедной, музыкально-песенной культуре. Данные знания и умения «материнской» («маминой») культуры неразрывно укоренены с китайской, отцовской («папиной») культурной и языковой традицией.

Собственные наблюдения диссертанта подкрепляются суждениями А.А. Забияко и В.Л. Кляуса по поводу этноидентифицирующей роли русской фольклорной и обрядовой традиции в жизни трёхреченцев⁷⁹, а также о тесном переплетении этих факторов этничности с китайской культурой.

Опираясь на результаты полевых исследований, автор подчеркивает, что фольклорная традиция и обрядовая жизнь являются насущной жизненной практикой русских Трёхречья. Справление Пасхи, празднование Вознесения, Троицы, свадебные и похоронные ритуалы, застольные гуляния с русскими песнями и плясками под гармонь – неотъемлемая часть самобытной культуры этого анклава. На этом основании фольклор (устное народное поэтическое творчество, обрядовые традиции) русских Трёхречья в его тесном переплетении с китайской традицией автор рассматривает как основу этнической идентификации этнолокальной общности русских Трёхречья.

Во второй главе **«Актуальные жанры фольклора как выражение этнической идентификации русских Трёхречья (по материалам полевых исследований 2015–2019 гг.)»** исследуется проблема функционирования фольклорных жанров в среде русской народности в настоящее время.

На основе полевых наблюдений автор приходит к выводу, что песни и «припевки» являются наиболее актуальными жанрами в среде русских Трёхречья. В первом параграфе второй главы **«“Старинны” и “новы” песни в фольклоре русских Трёхречья»** проанализирован процесс формирования песенного репертуара («старинных» и «новых» песен) трёхреченцев. Специфика песенного репертуара обусловлена динамичными миграционными процессами со стороны Забайкалья в конце XIX – начале XX вв., революционными событиями и Гражданской войной, повлекшими массовый исход русского населения на территории Трёхречья, тесным соседством с русским населением вплоть до середины 50-х гг. прошлого века⁸⁰. «Старинны» («мамины») песни включают в свой комплекс не только песни советского периода, но и песни дореволюционные (солдатские, романсы и др.). Дореволюционных песен в репертуаре информантов осталось совсем мало. В категорию «старинных» объединяются песни народные и литературного происхождения, написанные до 1965 г., то есть до «культурной революции». «Новы» песни – это песни, пришедшие в Трёхречье после начала реформ Дэн Сяопина.

В результате экспедиций Амурского государственного университета 2015–2019 гг. были записаны песни: «По диким степям Забайкалля», «На изморе мы стояли, на германском берегу», «Уходил я на фронт Жалайнора», «Прощайти, товаришшы, все по

⁷⁹ Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. С. 252; Кляус В.Л. Китайско-русские метисы КНР: идентичность во времени и пространстве. С. 268.

⁸⁰ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. С. 32.

местам», «Ночка поздняя стояла у ворот», «Прощайти, колокольны звоны», «Когда б имел я золотые горы», «О Сталине», «Кони мои вороные», «Черноокая цыганка», «Ехал на ярмарку ухарь купец», «Шумит Байкал», «Зачем же я вас, родненький, узнала», «На горе растёт березка, под горой полынь растёт», «Рубашку белую снимити, на ето купите вина», «Валенки», «Ландыш», «По Дону гуляет...», «Ехали казаки домой, раскудрявил чуб на ветру...», «Как богата наша страна, автомашины даёт она...», «Под окошком я милого ждала, и дожидаться его не могла», «Скоро да скоро поезд грянет, звонок унылай да прогудит» и некоторые др. В блокноте («поминутке») Ирины Громовой были обнаружены записи ещё 47 песен (большая половина из них с китайским вариантом), сделанные с 1956 по 2012 гг.

Репертуар трёхреченских песельниц в части «маминых» песен в целом отражает историю России конца XIX – 30-х гг. XX вв., а затем взаимоотношений Китая и Советского Союза вплоть до конца 1950-х гг. В нём особенно много «жестоких романсов» и «военных» песен, пришедших после победы Советской армии над Японией.

«Новые» песни приходят к трёхреченцам от синьцзянских русских («Шумит Байкал»), от родственников из России, в последнее время – через интернет. Исполнение и «старинных», и «новых» песен нашими информантами носит типологически сходный характер: часть реалий (топонимического, социокультурного, общеупотребительного характера) им абсолютно не знакома (например, название крейсера «Варяг», именованья городов Одесса, Ницца, страны Болгария и т.д.). «Додумывание» этих реалий сродни действию механизма «детской этимологии» или «народной этимологии». Кроме того, содержание песен во многих случаях переосмыслено в соответствии с трёхреченскими реалиями и событиями местной истории.

Актуальный песенный репертуар представителей русской народности Трёхречья включает песни, отражающие историю формирования и развития анклава на протяжении более ста лет. Основными исполнителями являются пожилые люди 70–90 лет, полукровцы первого, реже второго поколения. Знание содержания песен и их исполнение имеет в среде метисированного населения коммуникативное, мнемоническое и этноидентифицирующее значение.

Русские песни, с одной стороны, дают возможность трёхреченцам реализовать «меланхолические» настроения, присущие русской напевной лирике, избыть воспоминания о тяжелых годах испытаний в исполнении протяжных песен и романсов. С другой стороны, подтвердить и утвердить этнокультурные константы, связанные с представлением о «русской удали», «смелости», «крепости» – в песнях солдатских, фронтовых разных лет и в песнях застольных.

Во втором параграфе второй главы «**Припевки русских Трёхречья**» исследуются циклы частушек (припевок), актуальных в среде русских трёхреченцев. По наблюдению В.Л. Кляуса, «набор припевок, которые знают трёхреченские китайские русские, ограничен. Новых текстов, скорее всего, не возникает, и исполнители пользуются частью того “фонда”, который был сформирован к 1950-м гг., т.е. до массового отъезда русского населения из Трёхречья»⁸¹. При этом, по сравнению с российскими реалиями, жанрово-тематический репертуар популярных в настоящее время среди трёхреченских русских припевок весьма разнообразен и репрезентативен с точки зрения поэтики, региональной специфики, этнокультурной установки, отношения к реалиям уже прошедшей эпохи (военным событиям, работе в коммуне («совхозе»), обустройству личной жизни).

Образное наполнение и мотивный комплекс частушек в миниатюре запечатлел собой русский мир крестьянского Трёхречья 30–50-х гг. XX в. Автор диссертации анализирует циклы, записанные в результате экспедиций: любовные «Подружка моя», «Дорогая моя Тоня», «Эх дуля, дуля-ля-ля-ля», «Я, когда тебя любила», «саромски»

---

⁸¹ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. С. 32.

припевки, тематические блоки о военных событиях, русско-китайских браках, о колхозной жизни и т.д.⁸².

Автор подчеркивает, что в современном Трёхречье злободневность частушки утрачена, современные реалии не стимулируют массового рождения частушек. Частушка может возникнуть в результате жанровой трансформации – например, из небылицы (бытующей в современном русском фольклоре), которая по ритмическим и синтаксическим параметрам совпадает с частушкой, а также из дразнилки:

*Наш Егор поехал в Ланцыгор,
На Ивановой телеге, на скрипучим<на> коне.
Он овсом телегу мазал, дёгтем-та коня поил.
Топором подпоясался, <a> штанам дрова рубил.
(Ланцегор – село в Трёхречье, сегодня не сохранилось. – Авт.).*

Особый пласт припевок представляют так называемые «соромски<e>» (от слова «сором», «срам») припевки скабрёзного содержания, также связанные со взаимоотношениями полов. Тексты «соромских» припевок содержат присущие этому «поджанру» образы возрождения (*могила*), жертвоприношения (*барана колют*), плодородия (*посадка картофеля*)⁸³. В «соромских» частушках русских трёхреченцев отражается глубокая связь с крестьянской культурой их российских предков. Но, несмотря на ритуально-мифологическое происхождение такого рода припевок, в репертуаре трёхреченских русских их тексты фиксируют и местные реалии недавнего прошлого.

Отдельным блоком трёхреченских припевок и коротких песенок являются застольные, прославляющие винопитие. В тематическом блоке этих частушек также встречаются тексты с «отрёхреченными» реалиями:

*Караванску молодежь
Под лоханкой не найдешь,
А найдешь, лоханку пнёшь –
Повалится молодежь!*

Полевые исследования позволяют автору диссертации сделать вывод о том, что частушки (припевки) как жанр в современной фольклорной реальности Трёхречья всё еще весьма актуальны в среде русских представителей второго и третьего поколения. Благодаря экономности «порции высказывания» и лёгкости мотива припевки легко запоминаются, воспроизводятся в праздничной атмосфере, когда русская народность объединяется. Репертуар припевок репрезентативен с точки зрения сохранения в своем содержании исторической и родовой памяти этноса, основных этапов жизни русского Трёхречья, этнокультурных реалий русско-китайской жизни на протяжении почти полутора веков.

В третьем параграфе второй главы **«Отражение процессов этнической идентификации русских Трёхречья в прозаических жанрах фольклора»**, опираясь на результаты изысканий В.Л. Кляуса, Р.П. Матвеевой⁸⁴, а также полевые исследования научной группы Амурского государственного университета, автор диссертации резюмирует, что сказочный репертуар трёхреченцев не особенно богат. Сказки в среде жителей Трёхречья – почти забытый фольклорный жанр. Поскольку с середины 60-х гг.

⁸² Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности; Забияко А.А., Забияко А.П. Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде.

⁸³ Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. А.Л. Топорков. М., 1995. С. 431–433.

⁸⁴ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры; Матвеева Р.П. Русский фольклор в национально-смешанном культурном контексте // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской / Отв. ред. П.О. Рыкин. СПб., 2011. С. 131–140.

трёхреченцы не имели возможности рассказывать русские сказки своим детям и внукам («культурная революция, утрата русского языка третьим и четвертым поколениями), живое дыхание сказочной стихии было прервано⁸⁵. Обращение к сказке современных трёхреченцев является «возвращением» в детство, к воспоминаниям об общении с русской мамой. Сказочная проза трёхреченских русских представляет собой контаминацию древней тотемистической мифологии, традиционных сюжетов волшебной и кумулятивной сказки, региональных мотивов, русской и китайской фольклорной и бытовой традиций. Например, в сказке «Нюрушка-снегурушка» известный сюжет сказки о Снегурочке соединён с сюжетом сказки «Маша и медведь», но, в отличие от распространённого в России варианта, в нем жив и древнейший мотив брака с тотемным животным. Наблюдаются случаи метаморфозы сказочного жанра – так, сюжет сказки «Лиса-повитуха» трансформировался в Трёхречье в бытовую сказку «Как жадная струха ж..у грела». В сказке «Про Ваню...», весьма далеком варианте сказки «Батрак»⁸⁶, воплощаются столь привлекательные для трёхреченцев признаки *русскости*. Дуралей Ваня обретает архетипические черты Ивана-дурака, оказывается самым умным и одерживает победу над своим хозяином. Характерной особенностью записанных у трёхреченских русских сказок становится их местный колорит, способствующий рождению нового варианта известной сказки (сказка «Петушок и жернова» – сказка «Петя-петух»). Наблюдения автора, а также научной группы, в которой он работал⁸⁷, показывают, что русские сказки выражают этнокультурные константы трёхреченцев как русских, а сам процесс их рассказывания выполняет этноидентифицирующую функцию.

В большей степени, чем сказки, в Трёхречье сохранились жанры несказочной прозы – легенды, былички, бывальщины, мемораты. В основном несказочная проза трёхреченцев – свидетельство своеобразных этнорелигиозных процессов, протекающих в среде потомков русско-китайских браков, когда соединяется народное и официальное православие, русский и китайский компонент материнской и отцовской культуры, и рождаются уникальные сюжеты (мемораты о встрече с Богоматерью, «о поновившейся иконе»; трёхреченские легенды о крови Христа и пасхальных яйцах, а также о форме куличей; типологически близкие забайкальским мифологическим рассказам былички и бывальщины о нечистой силе – домовом, чертях, ходячих покойниках, оборотнях). Таким образом, несказочная проза отражает представления о персонажах демонологии, вера в которых до середины 1950-х гг. была фактом религиозной жизни русских Трёхречья. С этими персонажами, существами хтонической природы, представителями мира посмертного существования, связаны трёхреченские сюжеты о знаменях⁸⁸.

Затухание жанров несказочной прозы в среде трёхреченцев (В.Л. Кляус)⁸⁹ обусловлено индивидуализацией жизни трёхреченцев, постепенным замыканием в жизни «малой семьи», переселением большинства из них в городские коммунальные квартиры и растворением в китайской культуре.

Жанры народной сказочной и несказочной прозы (сказки о животных, бытовые сказки; легенды о встрече со святыми, былички о встречах с нечистой силой, о знаменях), зафиксированные из уст русских жителей Трёхречья первого и второго поколения, свидетельствуют о сложных этносоциальных, этнокультурных и этнорелигиозных процессах, протекающих на территории проживания русского анклава. Русские сказки и сам процесс их рассказывания становятся этноидентифицирующим

⁸⁵ Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности. С. 120; Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. С. 246.

⁸⁶ Морохин В.Н. Прозаические жанры русского фольклора: хрестоматия. М., 1983. С. 108–110.

⁸⁷ Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности; Забияко А.А., Забияко А.П. Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде.

⁸⁸ Забияко А.П. Религия славян // История религии: в 2 т. Т. 1 / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 2002. С. 236–286.

⁸⁹ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. С. 38.

фактором для трёхреченцев, выражают их этнокультурные константы как русских. Однако жанры сказочной прозы распространены в среде трёхреченских русских более, чем сказки. Их бытование в среде старшего поколения полукровцев связано с традициями народного православия трёхреченцев и их «троеверием», отражает представления о «нечистой силе», о праведном и неправедном, укорененные в русской культуре.

Бытование фольклора в среде русских Трёхречья фиксирует взаимодействие русского и китайского языков, русской и китайской культур, русской и китайской ментальности в сознании трёхреченских полукровцев⁹⁰.

Об этом речь идёт в четвёртом параграфе второй главы «**Русско-китайский текст в фольклоре русских Трёхречья как выражение этнокультурной идентичности и самобытности**». Данная проблема имеет давние исторические корни, тянущиеся со времени сосуществования русских и русско-китайских семей в Трёхречье.

Так, в юмористических припевках о межнациональных браках китайских мужчин и русских девушек нашли отражение самые разные признаки дифференцирования русскости и китайскости (непривычность китайской кухни для русских женщин, отсутствие в рационе китайцев привычного хлеба, способность китайцев употреблять в пищу самые невообразимые для русского желудка продукты, например, мясо кошки; разные привычки в быту русских жён и китайских мужей также становились объектом юмористического изображения в частушках и т.д.):

*Ой, милочка моя,
Почему ты похудела?
– За китайцем я была,
С пару манты⁹¹ ела.*

*Ты китаец, ты китаец –
Ты не русский человек:
Кошку жарил, хвост оставил
Своей жёнке на обед.*

Позднее, уже в среде полукровцев, возникают частушки об облике детей, рожденных в русско-китайском браке. В припевках данного типа русско-китайский текст представлен на образно-тематическом и сюжетном уровне. Двухчастные частушки основаны на принципе логического параллелизма⁹².

*Имануха боком-боком,
Иманяты на дыбы:
Каравански-та ребята
Пачэрнели, как грибы!*

Отдельно автор останавливается на «гибридных» текстах (В.Л. Кляус, А.А. Острогская)⁹³, в которых образная природа частушки смогла задействовать творческий потенциал билингвизма носителей маргинальной этничности.

*Иге (一个, yige, одна порция, один раз) тру-ля-ля
Лянге (两个, liangge, две порции, два раза) тру-ля-ля
Ниде (你的 nide, твой, твоя) – мои фанцзы (房子, fangzi, дом)
Пельмень куша Я. (呀 ya)*

⁹⁰ Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности. С. 109–126.

⁹¹ Манты, маньтоу (кит. – 饺子) – паровые пампушки из пшеничной муки, повседневная пища китайцев. – Авт.

⁹² Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора.

⁹³ Кляус В.Л., Острогская А.А. Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трёхречье. С. 44–45.

В данном случае, как подчеркивает автор, гибридизация художественных средств языка становится сродни тайному языку. Криптограмматизм фривольной частушки понятен только билингвам-трёхреченцам.

В блокноте («поминушке») Ирины Громовой было зафиксировано более 40 текстов, бытующих в среде трёхреченцев на русском и китайском языках [ЦИДВЭ АмГУ]⁹⁴. Способность и стремление к фольклорному творчеству билингвов приводит к созданию текстов, в которых китайская и русская образность синкретизированы на лексическом, синтаксическом либо метафорическом уровне.

Автором анализируется «гибридизированный» текст сказки «Кашица из топора». В рассказе информанта Шуры Чешнова текст не только приобретает русско-китайский гастрономический колорит, но и грамматические формы китайского языка, так как рассказчик-билингв спонтанно переводит ее на русский язык⁹⁵. Аналогичные случаи отмечала исследовательница Р.П. Матвеева, собиравшая фольклорные тексты в Трёхречье в 2009 и 2010 гг. («Нюрушка-снегурушка», «Петя-петушок и жерновцы», «Козлятушки-ребятушки», сказку А.С. Пушкина о золотой рыбке)⁹⁶. В.Л. Кляус и А.А. Острогская исследовали «гибридный» текст легенды об истории русско-китайского брака отца известного трёхреченца Ивана Васильева, в которой трансформировался сюжет «Ночи перед Рождеством»⁹⁷. Обратный пример «гибридного текста» несказочной прозы – в «отрёхреченном» сюжете китайской мифологизированной истории (рассказ о празднике Дуань-У) [Шура Чешнов], когда возникает новый русско-китайский апокриф.

В первом параграфе третьей главы **«Историческая и этнокультурная память этноса в устных историях русских Трёхречья (по материалам полевых исследований 2015–2019 гг.)»** – **«История поколений в семейных меморатах русских Трёхречья»** исследованы семейные мемораты русского населения Трёхречья. Проанализированные тексты характеризуются системой устойчивых идей-лейтмотивов. Первоначальная установка на жанр интервью определила то, что записанные семейные мемораты типологически сходны в тематическом и композиционном строении. Они определены логикой вопросов собирателей, возрастом информантов (средний возраст – 75 лет), но, сочетая в себе общие моменты, имеют и индивидуальные особенности. Практически все мемораты включают в себя следующие тематические блоки: воспоминание о предках (бабушки и дедушки, родители); рассказ, как те оказались в Трёхречье; рассказ о составе семьи; рассказ о православной вере, о традиционных праздниках.

«Точкой отсчета» семейной исторической памяти становится *событие переселения предков в Трёхречье*. Русские полукровцы устойчиво фиксируют свое происхождение до третьего колена – бабушек и дедушек (как правило, у тех русские матери и китайцы-отцы). Соответственно, начало своего рода они ведут с того момента, когда появились потомки в смешанном браке, представители «нашей нации». В зафиксированных семейных меморатах исторически и этнически значимыми для информантов являются период японской оккупации Маньчжурии (1931–1945), события освобождения Трёхречья советскими бойцами (1945) и годы «культурной революции» (1965–1976), т.е. те исторические реалии, которые связаны с их личной историей, эмоциональными переживаниями. Мемораты о «культурной революции» связаны с размышлениями о «божьем промысле»: православие в жизни трёхреченских русских – важная часть их самоидентификации как «русской нации». Крещение в меморатах выступает важным критерием этнокультурной идентичности и действенным способом сохранения этнической памяти для всех трёхреченских русских. В сюжетах, посвященных видениям,

⁹⁴ Забияко А.А., Забияко А.П. Маргинальные письменные тексты русской народности в китайском Трёхречье: частные истории формирования маргинальной этничности.

⁹⁵ Чжан Жуан. Китайский и русский текст в фольклоре русских Трёхречья. С. 336.

⁹⁶ Матвеева Р.П. Русский фольклор в национально-смешанном культурном контексте. С. 133.

⁹⁷ Кляус В.Л., Острогская А.А. Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трёхречье.

суеверным представлениям, рассуждениям о загробной жизни явственно обнаруживаются и черты народного православия.

Второй параграф третьей главы – **«Нарративы к семейным фотоколлекциям и проблема этнической идентичности русских Трёхречья»** построен на исследовании меморатов по фотографиям из семейных альбомов и фотогалерей. Диссертант обращается к истории формирования фотоколлекций, ее этнокультурной обусловленности.

В основе исследования лежат методы включенного наблюдения, интервью, беседы, камеральной обработки полученных аудио- и видеозаписей, текстологического и источниковедческого анализа данных; отдавалось предпочтение последовательности расположения фотографий и логике воспоминания.

Фотографические коллекции русского населения Трёхречья представляют собой визуальные хранилища исторической памяти, «народные музеи», свидетельствующие об основных событиях жизни, традициях и обычаях 3–4 поколений русского анклава. Несмотря на то, что за основу исследования берутся нарративы по фотографиям из семейного альбома Первоухиных-Дементьевых (кит. 朱玉花 (Zhu Yuhua), 果富贵 (Guo Fugui)), данные вербально-визуальные тексты весьма репрезентативны. Традиция собирания и хранения семейных фотографий трёхреченцами и фотографический канон, отраженный в фотоматериалах, связаны с аналогичной традицией русских переселенцев конца XIX – середины XX вв.

Нарративизация фотоколлекции русских Трёхречья дает возможность собирателю эксплицировать некоторые латентно сохраняющиеся в памяти информантов сведения, наиболее значимые для собеседников, отражающие важные события жизни большой семьи (сбор всей семьи, семейные праздники, похоронные и свадебные обряды и т.д.). Сами мемораты при этом могут быть связаны с визуальным образом ассоциативно, однако содержать базовые представления трёхреченцев о своей семейно-родовой памяти и этнической самобытности.

Процесс рассматривания семейного фотоальбома и его нарративизации позволил зафиксировать рассказы о возникновении русско-китайской семьи, о межпоколенных отношениях внутри «большой семьи» (рода), об этнокультурных предпочтениях в данной русско-китайской семье, об отношении к родственникам, уехавшим в СССР, в целом, к советским людям, русскости, к религии.

Религиозные практики метисированных потомков русских Трёхречья во многом определены традицией народного православия⁹⁸. Важное место в этом религиозном комплексе занимают обряды перехода (рождение, свадьба, похороны). Свадебный обычай трёхреченских русских подробно проанализирован В.Л. Кляусом⁹⁹. Этнокультурная самобытность их погребальной обрядности раскрывается в рассказах по похоронным фотографиям. Данная проблема исследуется в третьем параграфе третьей главы **«Ритуалы переходной обрядности в устных рассказах русских Трёхречья и проблема этнической идентичности»**.

Информантами выступают трёхреченцы второго поколения, объектом исследования выступают вербально-визуальные тексты похоронных фотографий русской матери и китайского отца. Автор отмечает, что в культуре представителей русской народности, рожденных в русско-китайском браке, в погребальную обрядность активно проникают элементы китайской традиции. Несмотря на индивидуализацию современного образа жизни трёхреченцев, события жизни частной семьи воспринимаются ими сквозь призму истории большого рода. Именно поэтому индивидуальная биография членов рода, важные вехи их жизненного пути становятся предметом мемориализации и рассказывания, а в фотографических коллекциях трёхреченцев похоронные снимки хранятся, демонстрируются и сопровождаются комментариями.

⁹⁸ Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. С. 121.

⁹⁹ Кляус В.Л. Об одном обычае традиционной русской свадьбы Большого Приаргунья. С. 9–17.

Потому рассказ о жизни членов одной семьи выходит за пределы личной истории, рассказ о смерти русской матери и отца-китайца, рассказ о «правильном уходе» родителей отражают самобытность этнокультурного сценария жизни трёхреченской семьи. При этом и в похоронных фотографиях, и в комментариях к ним наших респондентов русский и китайский сценарий погребального обряда и фотографического канона похоронных снимков синкретизированы.

В **Приложении** представлены сведения об информантах и их фотографии, а также иллюстративный материал к параграфам 3.2 и 3.3.

Основные публикации автора по теме исследования

Публикации в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендуемых ВАК и WEB of SCIENCE:

1) Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности // Известия Иркутского государственного университета. – 2016. – Т. 17. – С. 109–125.

2) Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Семейные мемораты русских Трёхречья как основа реконструкции исторических процессов и этнокультурной идентификации в китайской среде // Россия и АТР. – 2016. – № 3. – С. 185–198.

3) Чжан Жуян. «Да, похоронили вместе, по обычаю Советского Союза»: погребальные традиции русских Трёхречья в семейных фотографиях // Традиционная культура. – 2019. – № 4. – С. 88–96.

4) Чжан Жуян, Забияко А.А. Нарративизация семейных фотографий русских Трёхречья: семейно-родовые и индивидуально-личные основы исторической памяти и этнической самобытности // Традиционная культура. – 2019. – № 4. – С. 74–87.

Публикации в других научных изданиях:

1) Забияко А.А., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Беседы с русской харбинкой: Любовь Николаевна Ли // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018. – С. 212–229.

2) Чжан Жуян. Фольклорные жанры русских Трёхречья. Характеристика и особенности бытования // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы XIX регионал. науч.-практ. конференции (г. Благовещенск, ДальГАУ, 2018 г.): В 3 т. – Благовещенск: Изд-во ДальГАУ, 2018. – С. 122–123.

3) Чжан Жуян. Китайский и русский текст в фольклоре русских Трёхречья // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы международ. науч.-практ. конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16-18 июня 2018 г.). – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 332–338.